

Олег ЁЛШИН

Однажды я встретил на улице влюбленного нищего. На нем была старая шляпа, пальто потерлось на локтях, башмаки его протекли, а в душе сияли звезды.

В. Гюго

ФРАНСУА ВИНСЕНТ

Олег Игоревич Ёлшин Франсуа Винсент

*Текст предоставлен правообладателем
Франсуа Винсент: 2010
ISBN 978-5-91865-069-1*

Аннотация

Герой романа осуществляет полет сквозь время в свою прежнюю жизнь. Как ни привычно и комфортно в рутине повседневности, праздновании бессмысленных побед и достижений, но открывается канал в свое прошлое, в далекие времена, которые оставили незавершенные дела и грехи твои. Они преследуют и не дают покоя, хватают за горло, заставляя изменить всю эту жизнь! Потерять все! Но обрести что-то новое, давно забытое и столь желанное. И больше не жалеешь ни о чем...

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Ёлшин

Франсуа Винсент

*Однажды я встретил на улице влюбленного
нищего. На нем была старая шляпа, пальто
потерлось на локтях, башмаки его протекли, а в
душе сияли звезды.*

(В. Гюго)

Часть 1

1

Был ясный, солнечный день. Узенькая улица в самом центре Москвы, зажатая с обеих сторон старинными особняками, отражала эти яркие лучи августовского солнца отмытой до блеска булыжной мостовой. Пешеходы и машины сновали в разные стороны, шарахались друг от друга, разгоняя вязкий полуденный зной. Воздух горячим липким одеянием прикоснулся к телам людей, раскаленным крышам домов, забирался в выхлопные трубы машин, окна, просачивался сквозь вентиляционные решетки. Проникал сквозь кожу и поры, топил остатки мозгов и плоти, селился в каждом, кто осмеливался выйти на эту улицу и быть расплавленным в лу-

чах последнего, но такого жаркого солнца, которое бесновалось в остатках безумного лета.

Шум города возвещал о начале обеденного времени, когда все покидают свои рабочие места и куда-то спешат. Из одного офисного здания вышел человек и быстрой походкой направился к своей машине, преодолевая последние метры надоевшей жары. Он шел и думал: – Как хорошо сейчас будет окунуться в бассейне спортивного клуба! Еще десять минут, и он окажется там. Оставалось сделать лишь несколько шагов, он сядет в автомобиль и уедет. А дальше только прохлада кондиционера его машины, бассейна под крышей уютного комплекса, и только жаркая сауна будет напоминать о раскаленном солнце, которое уже не в силах будет расплавить его в этом жарком городе и таком немосковском лете...

Внезапно человек посмотрел под ноги и на мгновение остановился. Это было лишь одно короткое мгновение, но то, что он увидел, его потрясло. Как будто молния перед глазами или пронзительный яркий блик на мостовой... Яркий солнечный блик... Он отражался от булыжника и слепил. И на мгновение у него потемнело в глазах.

Он стоял, слушая внезапно наступившую тишину, топот шагов, а рядом почему-то стук копыт. Цокот настоящих конских копыт! И тут в его сознании промелькнуло имя – Франсуа Винсент... Его никто не произносил, оно возникло ниоткуда. Возникло в этой жаре или совсем в другом месте и времени, где тротуары не прилипали к стенам домов, а небо

не лежало на горячей раскаленной крыше. Это небо было другим – высоким и голубым, каким оно и должно быть...

Это происходило лишь короткое мгновение, а затем все вернулось и расставилось по своим местам, как будто его и не было вовсе. Человек стоял еще какое-то время, удивленно смотрел под ноги, оглядываясь по сторонам; потом по шумной улице прошел вперед, сел в машину и уехал...

Войдя в просторное помещение клуба и сдав на ресепшн бумажник и шикарные часы, попросил все это закрыть в сейфе. Сидя на лежаке у бассейна, смотрел на воду и размышлял:

– Что это было?

Вокруг ходили «накаченные» мужчины, молодые и старые. С ними были красивые юные леди. Две пожилые дамы в изящных купальниках поглядывали на них с завистью. Кто-то из молодых пробежал мимо и нырнул в бассейн. Брызги и смех. Здесь, за окнами клуба, не ощущался будничныи день – обстановка праздности и благополучия.

– Что это было? – думал он, странное событие все не давало покоя, у него не только не было объяснения, даже намек на то, что произошло.

– Стоит ли думать о ерунде? – наконец, отмахнулся он от навязчивого видения и тоже нырнул в воду.

Навстречу уже подплыла его белокурая подруга. Они

недолго соревновались с быстрым течением воды, потом растаяли в просторной джакузи.

– Почему ты мне не позвонил? – спросила она, с удовольствием отбиваясь от горячих настойчивых струй. По ней было видно, что она все привыкла делать с удовольствием.

– Ты была в магазине, думал, наконец, займешься делом, – охладил он ее ленивое настроение.

– Если ты мне купил этот бутик, уж не думаешь ли, что я исправлюсь? – улыбнулась в ответ она.

На ней был удивительный купальник, вернее, почти его отсутствие. Уверенная в своей фигуре, она смело носила такие вещи. Он не понимал, почему, чем меньше эти купальники, тем стоят дороже. Хотя, какая разница? Он с удовольствием тратил на нее деньги, выполняя любые её прихоти. Если бы пришлось платить за воздух вместо тоненьких ниточек на ее безупречной фигуре, сделал бы это, не задумываясь. Такая сейчас мода...

– Не надоело ходить по чужим магазинам? – спросил он.

– Даже не думай. Каждый должен уметь делать хорошо свое дело. Или ты чем-то недоволен, милый?

Она наивно, по-детски смотрела в его глаза, и он готов был прощать ей все.

– Ты же сама хотела, тебе было скучно, решила что-то делать, – неуверенно продолжил он.

– Хотела! А теперь я тебя захотела. И что из этого?

Она наклонилась над ним, и они утонули в просторной

ванне джакузи... Пузырьки воздуха скрыли их на несколько секунд, а когда они появились вновь, престарелые дамы уже смотрели в их сторону.

Девушка снова улыбнулась: – Так, чем мы недовольны?

– Теперь ничем, – и подумал, что, действительно, лучше каждому делать свое дело.

– Кстати, я хочу с подругой слетать на Мальдивы, – сказала она.

– С подругой? А я тебя уже не устраиваю? – удивился он.

– Милый, у тебя тендер. Тебе некогда...

Она массировала его шею и крепкие плечи, прикасалась руками к его телу, и ненадолго он забыл обо всем...

– Да, мне некогда, – очнулся он, спустя какое-то время. – Кстати, пока ты у меня работала, вспомни, был ли у нас партнер – француз или бельгиец с именем Франсуа Винсент?

– Не-а.

– Что не-а? Не было или не помнишь?

– И то, и другое. А я у тебя не работала – это ты со мной... у тебя на работе. И ты хочешь, чтобы я еще что-нибудь помнила?

– Понятно, – ответил он.

Милый, так ты отпустишь меня на Мальдивы?

– Конечно, детка. Катись, куда хочешь.

– Спасибо, любимый!

И снова пузырьки воздуха на поверхности воды скрыли их стройные, загорелые тела с головой.

Прошло несколько месяцев. Однажды он сидел в своем просторном кабинете. За окном была пурга, и по детскому поверью, с этим первым снегом исчезают все надоевшие проблемы. Но сейчас проблем у него не было никаких. Абсолютно никаких. Была преуспевающая фирма, на парковке стоял автомобиль с охраной, вечером его ждала хорошенькая девушка. Он недавно купил ей квартиру недалеко отсюда в самом центре Москвы и теперь часто оставался у нее.

Вдруг вспомнил – тогда тоже шел первый снег. Он так радовался. Как младенец! Смешно подумать – тогда он отмечал свой первый миллион! Собрал друзей. Не объяснял причины, просто всех позвал в шикарный ресторан. На следующий день снял частный самолет и с подругой, тогда еще другой, улетел на море, где их ждала яхта, и они вдвоем болтались по Средиземному морю. Целый месяц между двумя материками переплывали от острова к острову, от Канар до Монако. И тратили, и тратили. Какое-то ребячество... Конечно, оставил там большую часть заработанного, но очень скоро все наверстал. Это было так давно... Вдруг подумал: – Тогда было веселее.

К десятому миллиону отнесся спокойнее. Когда на счетах их обозначилось цифрой сто – равнодушно констатировал сей факт. Желал ли он сейчас что-нибудь еще? Он не знал.

Но, знал точно, что сможет позволить себе все – даже полет в космос. Но туда он пока не хотел. А снег за окном все падал и падал, замечая старинные особняки, новенькие дорожные автомобили и серую, булыжную мостовую.

Кто-то постучался в дверь. Шла привычная работа. Рутинная последних дней затягивала. Постоянно заходили люди, что-то уточняли, приносили на подпись. Скоро будет объявлен тендер, и если он его выиграет... А он обязательно его выиграет – заработает приличный заказ на годы вперед и хорошие деньги. Еще пару дней – они подадут заявку, и можно будет ненадолго отсюда сбежать. Куда-нибудь подальше.

– Брать ее с собой или ехать одному? – подумал он. – С ней пока было хорошо и не скучно...

Его мысли отвлек вызов секретаря. – Вас спрашивает... соединить?

Ах, этот? Снова он! – и задумался. Не время сейчас вспоминать прошлое и общаться со старыми друзьями. Снова будет о чем-то просить. И что такое теперь – дружба? Это был его приятель еще со студенческих времен. Сначала друзья, потом партнеры. Деньги. Все куда-то девается, уходит, словно в песок. То ли дело тогда – на втором курсе. В стареньких рваных джинсах они сидели во время лекции в пивной, куда вытащили почти всю группу. Между тарелок с креветками лежал журнал посещаемости, где они отмечали прогул девчонкам, которые с ними сюда не пришли. А потом скандал, и в кабинете декана с заляпанным журналом в руках они стоя-

ли, друг друга выгораживая. А потом одна девчонка на двоих – конечно же, она выбирает одного и выходит за него – за его друга. А он им все прощает. Вот когда была дружба. А теперь – дружба? Пережиток юности. Для взрослого, богатого, сильного мужика не должно существовать такого понятия. Теперь партнеры, любовницы, клиенты. Все, что не имеет цены, теряет смысл. И он знал, что абсолютно прав. Но, было как-то скучно. Может, действительно, слетать в космос?...

– Так, вас соединять? – голос секретарши вернул его к действительности:

– Ах – друг. Конечно, он все сделает для друга, – подумал он.

– Соединяй.

– Привет, старик.

Голос на том конце провода был дружески-заискивающий.

– Ты пропал, не звонишь. Пора бы встретиться.

– Давай через пару недель, а еще лучше – после Рождества. Сейчас много дел, а в праздники пообщаемся, – он действительно сейчас был занят и не кривил душой.

– Уверен, что не найдешь и часа для меня?

– Что-то срочное? Старик, не хотелось на бегу, – но друг настаивал:

– Не хотел говорить по телефону... Впрочем, ладно... Слышал, ты подаешь заявку на январский тендер?

– Конечно. Уже все готово, – ответил он.

Возникла небольшая пауза, затем его друг продолжил.

– Я никогда тебя ни о чем не просил. Сейчас тот самый случай... Ты не мог бы отдать его мне... Понимаешь, с тех пор, как я открыл свое дело... отдельное от твоего,... наконец, смогу выполнить такой заказ...

– Но, ты же понимаешь, что это бизнес, – возмутился он. – Моя фирма несколько месяцев работала на этот тендер. Даже не знаю, что сказать, – он был очень удивлен такому повороту событий, отвечал мягко, но был непреклонен.

– Знаешь, – настаивал друг, – если ты мне дашь этот шанс, я сразу раскручу производство. Понимаю, что прошу о многом, но для тебя пропустить этот заказ не фатально, а для меня это старт. Полет в космос! Что скажешь?

Друг был настойчив, и приходилось продолжать дурацкий разговор.

– Старик, я знаю, что скажу, но не знаю, как это сделать, чтобы ты не обиделся. Если бы ты попросил месяца на два раньше, конечно, – лукавил он. – Извини. Сейчас уже невозможно. Слишком много вложил...

– Но, мой проект лучше. А сколько вложил ты в их карман, скажешь мне. Немного позже я тебе обязательно верну.

– А это уже хамство, – подумал он и произнес:

– Извини, но в этой жизни лучший проект всегда будет за мной. Привет жене...

Он повесил трубку и подумал: – как все надоели! Нет, по-

жалуй, он поедет один. Ее возьмет в следующий раз. А с другом как-нибудь поговорит – все утрясется. Нельзя же требовать невозможного! Всему есть предел. Он же не просит одолжить его жену...

Они сидели на просторной веранде ее квартиры, которая находилась на последнем этаже. Отсюда открывался панорамный вид на Лужники и Университет. По другую сторону был виден Белый дом, а немного в стороне гигантской каменной глыбой белел Храм Христа Спасителя. Он был похож на огромный сугроб с золотыми луковками наверху. Кое-где торчали макушки новогодних елок. Был снежный сырой декабрь. Снег лежал повсюду, даже здесь – на веранде, где находились только два пластиковых стула, такой же столик, и они вдвоем. Словно, сидели на высокой заснеженной горе.

– Не холодно? – спросил он, плеснув ей в стакан немного виски.

– С тобой нет, – ответила она, кутаясь в большой теплый плед, отпивая небольшой глоток.

– На Рождество поедem в Пиренеи, – сказал он и тоже сделал глоток...

– Милый, мне с тобой хорошо везде. Но, ты же знаешь, я терпеть не могу горные лыжи – падать на попу, катиться с горы, потом вставать, снова падать.

Он не ожидал такой реакции и, вообще, не терпел отказа, поэтому удивился – другая на ее месте была бы счастлива.

– Ты сможешь пройтись по магазинам, мы съездим на экскурсии – все, что угодно, – возразил он.

– Я люблю море! Люблю тепло! Когда солнышко, а вокруг все голые, – она натянула плед на голову, а из-под него выглядывал только ее хорошенький носик.

– Но я не могу пропустить сезон, – ответил он.

– Хорошо, придется торчать в отеле, пока ты катаешься... Конечно, милый, я согласна, – вздохнула девушка.

Теперь она смиренно сидела, покачиваясь на холодном пластиковом стуле, как закутанная кукла, а стаканчик с ледяными виски тоже покачивался в ее руке. Виски было очень крепким, холодным, но замерзнуть не могло. Оно просто не умело этого делать.

– Тогда оставайся, я поеду один, – отрезал он.

– И я поеду одна, – неожиданно встрепелась девушка. – Нет, не одна, мы с подругой полетим на Тенерифе.

– А что там делать? – удивился он.

– Там круглый год двадцать пять, а что нам делать, придумаем. Заберемся на Тейд, будем встречать восход солнца. Ты в прошлый раз меня с собой не взял, теперь я тебя не возьму. Хорошо, милый?

Ему было неприятно, что она самостоятельно выбрала маршрут путешествия. Сделала это без его ведома. Но, виду не подал. И на мгновение показалось, что так даже лучше. Поймал себя на мысли, что ему все равно. Тогда, зачем все это и зачем ему она?

– Да, конечно, – ответил равнодушно он, сделав большой глоток. Виски приятно обожгло, согрев изнутри. Стало хорошо и тепло. – Замечательный напиток, – подумал он. – Вот что по-настоящему может дать столько тепла, которого иногда не хватает.

– Ну, не обижайся, любимый! Это ведь ты не хочешь везти меня на море, – спохватилась она.

– Все. Решили, – равнодушно закончил он.

– Как твой тендер? – перевела она тему разговора.

– Скоро разыграем. Как всегда, нормально.

– Как друг? – участливо, со вниманием спросила она, словно почувствовала безразличие и хотела загладить вину.

– В пролете, – ответил он, – ничего, позлится – перестанет...

Она немного помолчала, стащила с головы плед и серьезно на него посмотрела.

– Ты любишь свою девочку? – неожиданно спросила она, внимательно заглянув ему в глаза. А в ее глазах затаился этот детский вопрос, она смотрела, ждала ответа, словно что-то загадала...

Он с удивлением на нее уставился. Об этом они никогда не разговаривали. Да, и нужно ли говорить на такую бессмысленную тему.

– Терпеть не могу, – усмехнулся он.

– Тогда не моги в тепле, я замерзла, – и обняла его, как всегда ласково и нежно...

Они ушли, а на пластиковом столике остались недопиты-ми два стаканчика с виски. Им не было холодно, они не могли замерзнуть. Они не умели этого делать...

3

Самолет оторвался от взлетной полосы, пронзил толщу бесконечного серого неба, и яркое солнце осветило его борт. Он не видел целый месяц этого солнца. Никто его не видел. Его не было над тем городом, откуда он улетап. Лишь огромная серая туча висела весь декабрь, закрывая его. И вот, снова оно – теплое и яркое.

– Месяе летит один? Как жена, как настроение?

Он направлялся в Барселону, а стюард этого маленького частного самолета был французом.

– Спасибо, Франсуа, все нормально. Как погода в Испании?

– Плюс восемнадцать.

– А снег?

– Для вас, месяе, выпадет.

Почему-то он любил этот маршрут. Когда покидаешь страну, где он жил и делал деньги, а потом влетаешь сюда, чувствуешь себя другим человеком. Можно оставив охрану в Москве, приземлившись, взять в аэропорту машину и ехать куда угодно. Он любил этот перелет. Все земное оставалось далеко внизу, а здесь можно подумать о чем угодно, о любой

глупости.

Франсуа. Снова Франсуа. Франсуа Винсент... С тех пор он не вспоминал об этом.

– Что это было?...

Скоро появятся горы. Австрия. Швейцария. Женевское озеро. Всё, как на ладони. И, наконец, Франция! Всегда с трепетом влетал в эту страну, но в Альпах катался редко, больше любил Пиренеи. Партнеры по бизнесу удивлялись. Андорра – прошлый век. Куршевель, Давос – вот, где основной тусняк! Но равнодушно пролетал эти горы, дальше поля, холмы Франции, и, наконец, снова горы, которые его так волновали. Как новое знакомство, как далекое детство. И сколько здесь ни находился – привыкнуть не мог.

Внезапно подумал: – Только на этом небе, над этими равнинами и холмами он чувствовал себя, как дома...

Испания встречала его теплым и совсем не зимним днем.

– Вот ведь, бывают на земле места, где всегда светит солнце, – подумал он, спускаясь по трапу. Все формальности заняли немного времени. И вот он уже сидит в автомобиле и мчится, куда глаза глядят. А глаза его смотрели на север – поближе к горнолыжным стоянкам.

Вся туристическая братия из Барселоны обычно стремится в Андорру, многие и не догадываются, что поблизости, в каких-то 20–30 километрах, есть замечательные места, где мало народу, но отличное катание и потрясающие виды с

вершин. Там даже расположены королевские курорты. Он ехал по долине, и бескрайние поля волновали его. Иногда хотелось вот так, без остановки, мчаться сотни километров в неизвестность. Иногда так и поступал. И сейчас, когда добрался до одного из своих любимых мест на горе, и увидев, что весь снег остался в Москве, не пожалел, что не полетел на Тенерифе, где океан и «все голые». Переночевав в отеле, отправился на машине колесить по этим полям. Три дня болтался по равнинной местности. Останавливался в придорожных отелях. Ел в каких-то ресторанчиках, кафе. И снова чувствовал себя здесь, как дома. Вернувшись в отель, так и не найдя на горе снега, (повсюду виднелись маленькие лысые площадки жалкой белой крупы, насыпанной снеговыми пушками, а вокруг склоны зеленеющей травы), решил поехать на экскурсию. Выбрав в агентстве группу с английским гидом, (другого языка он не знал), на завтрашний день купил небольшой тур во Францию, который назывался – «По замкам и поместьям Тулузы». Почему бы и нет...

Группа состояла, в основном, из англичан, еще было несколько немцев, которые постоянно что-то ели и кормили своих детей. Сначала автобус вез их по горам, наконец показалась бескрайняя равнина. Раньше в этой Гасконской местности он не бывал и теперь, глядя в окно, не мог оторваться от удивительного зрелища. Было такое же чувство, которое познал однажды, став взрослым. Как-то раз он по-

сетил место, где родился и провел детство. Сначала это было волнение от приближения к городу, потом району, где когда-то жил, ходил в школу, играл во дворе с мальчишками. И вот начинается длинная улица, в конце которой был дом его детства. Дом стал меньше, наверное, потому, что он сам подрос и стал больше. Двор. Деревце, которое он посадил когда-то. Теперь оно такое высокое! Подъезд. Взбегаешь на четвертый этаж и, наконец, квартира! Дверь заперта?! Сейчас перед ним она закрыта, но все свое детство тысячи раз он ее открывал, проходя дальше, в свою комнату.

О чем он думает? Отсюда тысячи километров до его детства. И все равно, не мог оторваться от дороги и этих полей.

Они снова и снова останавливаются, выходят, осматривают какие-то замки, испанский гид плохонько говорит по-английски, что-то рассказывает. Но он получает невыносимое удовольствие от скромного сервиса, старенького автобуса и толпы праздных, любопытных туристов. От обеда, где самые простые блюда кажутся невероятно вкусными.

Какое-то детство, – снова подумал он. Хорошо, что его девчонка где-то там, на Тенерифе, сидит себе в шикарном отеле и не видит его таким восторженным идиотом. Впрочем – какая разница...

Они осмотрели несколько замков вокруг Тулузы, и пора было возвращаться назад. Оставалось последнее место. В дороге немного укачало, и он чуть не уснул. Думал остаться в

автобусе и через окно наблюдать за всем. Но, выбравшись, от долгого сидения и тряски начал разминать конечности. А гид тем временем рассказывала:

Этот последний очень старенький замок, который почти развалился, несомненно, является достопримечательностью средневекового зодчества...

Здесь жил древний род...

И сейчас, несмотря на свой вид, это строение хорошо передает атмосферу...

Гид все говорила и говорила, но он ее уже не слышал...

– Простите, сеньор, мы уезжаем...

И снова не слышал.

– Так вы отстанете. Прошу в автобус...

– Кабальеро, мы отправляемся назад в Испанию...

– Вы меня слышите?...

– Сеньор, пойдемте в автобус...

Ее настойчивые просьбы, наконец, до него дошли.

– Я остаюсь, – коротко бросил странный турист.

– Где? Здесь? – гид была в замешательстве.

– Да!

– Но я не могу вас бросить одного... Я за вас отвечаю!

Что-то случилось?

– Оставьте меня в покое.

Она растерянно оглядела пустынную местность и предложила:

– Хорошо, давайте мы доведем вас хотя бы до ближайшего городка. Это в пяти километрах отсюда.

– Спасибо, я доберусь сам, – настырно повторял он.

Она была озадачена, она не понимала. И чем больше не понимала, тем настойчивее его убеждала.

– Здесь не ездит транспорт, как вы отсюда выберетесь?

– Дойду пешком... Езжайте... Адьюс...

– Сеньор... Вы уверены? – сделала она последнюю попытку спасти и увезти этого странного человека.

– Да, черт возьми! – ответил он по-русски. И тогда она от него отстала.

Он стоял на старой булыжной мостовой, умытой утренним дождем и сверкающей на солнце. Она блестела, и свет этот слепил глаза. Он знал здесь каждый камень, каждую расщелину. Перед ним был старый полуразвалившийся замок, забор местами был разломан, крыша зияла провалами, стены были покрыты зеленым мхом. А наверху, одной из сохранившихся башенок, гордо сиял старинный бронзовый герб, где готическим шрифтом были выбиты две литеры:

FV

Он пробрался сквозь развалины забора и заглянул внутрь.

– Все, как когда-то... Ничего не изменилось, – бормотал

он.

— А здесь должна находиться дверь, через которую он проходил к себе когда-то в детстве. Теперь ее нет.

Пролез сквозь зияющий проем. Крыша местами отсутствовала, он рисковал, что на него свалится что-нибудь сверху, но сейчас его это мало беспокоило. Переходил из комнаты в комнату, из зала в зал, трогал стены и все бормотал.

— Все, как и прежде...

Зачем-то сел в большой зале на каменную скамью. Долго сидел так, дышал воздухом, потом закрыл глаза и словно растворился в этом пространстве. Солнечные лучи освещали помещения сквозь дыры в потолке и стенах. И эти голые каменные стены словно обнимали его, защищая своей толщиной от всего, что находилось снаружи.

Потом, очнувшись от обморока, вышел наружу и оглядел окрестности. И с какой-то неотвратимой силой его потянуло туда дальше. Перешел через маленькую мостовую, уперся в старый забор, в котором не было ни единой дыры. Неподалеку виднелся не очень большой, старинный дом, который и приковал его внимание. Он трогал руками стены забора, ходил вдоль него и не мог оторвать взгляда от маленького древнего строения. Похоже, там жили люди. Одинокó ходила лошадь и ела траву. Он не мог туда попасть, снова и снова ходил по мостовой, разглядывая камни и все вокруг...

На следующее утро он сидел в номере испанского отеля и вспоминал:

Вчера он прошел пять километров от тех развалин до ближайшего городка. Пока шел, не понимал, что с ним произошло, и это бесило. Всему должно быть объяснение! Потом раздражал французский таксист, который, не говоря ни слова по-английски, не понимал, почему нужно 200 километров ехать на такси. Но, когда увидел пятисотенные купюры, пожалел, что не учил русский язык. Сразу стал все понимать и довез до отеля.

А сейчас он проснулся в дурном настроении и размышлял. Что-то не давало покоя.

– Почему он бесится? Чего боится?... Не боится он ничего. Взрослый, сильный, умный мужик. Ну, не понимает он того, что с ним произошло – наплевать и забыть. Он не сумасшедший. И вообще... Что-то он расслабился. Если не может объяснить, значит, нужно просто забыть. Действительно, нужно было ехать в Куршевель или на сафари в Африку. Убить льва, полетать на вертолете над саванной, искупаться в океане. Его девчонка была бы счастлива. Давно он не был так взбешен.

Решил ей позвонить. Телефон не отвечал.

– Еще смеет не брать «трубку», – продолжал он изводить

себя.

Позвонил своему помощнику в офис.

– Как дела?

– Нормально, шеф.

– Звоню не для того, чтобы слышать твое «нормально».

Как дела?

– Понимаете...

Наступила долгая пауза. Его зам. всегда с трудом выговаривал слова, когда возникали проблемы, словно эти слова что-то весили.

– Не тяни, – поторопил он его.

– Поступила информация, что у вашего,... как сказать.... друга хороший проект. Мэрия им заинтересовалась.

– Мэрия – не красные стены, а живые люди.

– Вот и я шеф об этом же. Нужно бы порешать вопрос.

– Так порешай!

Зам. снова замялся.

– Ну, я хотел прежде посоветоваться. Этот парень, который у нас.... простите, у вас работал раньше, вроде бы вам друг.

– Понятно. Без меня никак. Вечером буду.

– Ну, почему же, никак...

– Я сказал, вечером буду. Закажи самолет. Через три часа приеду в аэропорт. Все!

Он бросил машину в отеле, отзвонив в кампанию, чтобы ее забрали. Больше не хотел болтаться по этим дорогам. За-

казал такси и уехал в аэропорт.

Москва не принимала. Там все еще висела дурацкая туча, не давая самолетам садиться. В Барселоне он долго ругался с дирекцией аэропорта, чтобы его отправили. Наконец, настоял на своем. Снова удобный салон, снова стюард – француз.

– Привет, Франсуа.

– Здравствуйте, месье. Нет гарантии, что Москва нас примет.

– Вот и этот! Решил «доставать» его своими проблемами, – подумал он. – Ну, что за день?

– Франсуа, Москва меня примет всегда. Я ей нужен... А почему тебя так называли? – вдруг спросил он.

– Месье, меня называли так в честь деда. А моего деда, в честь его деда.

– Вы, французы, очень последовательны.

– Нет, месье, просто мы уважаем своих предков.

Больше он не смотрел в иллюминатор. И вообще, когда возвращался, никогда не смотрел в окно самолета. Опустил шторку и спал.

Москва не принимала.

– Как легко было от нее улететь, а теперь она не принимала, – думал он. Топливо еще оставалось, долетев до Санкт-Петербурга и узнав, что самолеты начали садиться в Шереметьево, они развернулись и пошли обратно в столицу. Со второго, с третьего захода приземлились.

– В офис, – приказал он.

– Шеф, время шесть вечера, поздновато.

Его помощник вежливо встречал раздражение шефа и его самого.

– Я сказал в офис. Что еще нового?

– Понимаете...

Опять – «понимаете».

– Что еще? – повторил он вслух.

Дурацкая привычка замалчивать проблемы, потом вываливая их все сразу. И какие у него могли быть проблемы? – подумал он.

– Когда я провожал вашу девушку в аэропорт...

– Ну?

– Не хотел говорить, пока вы были в поездке. В общем,... когда она прошла регистрацию и сдала багаж...

– Дальше!

– Дальше ее ждал... какой-то парень...

– Так... И что? Может быть, какой-нибудь знакомый, случайно встретились, тоже летел куда-то?... Нужно было прозвонить отель.

– Прозвонил.

– И?

– Номер зарегистрирован на мужское имя...

Небольшая пауза повисла в салоне автомобиля.

Шеф, я пробил его координаты – дать?

– Не надо!.. Подружка! – подумал он... – Я покажу тебе

подружку. И Тенерифе, и рассвет на Тейде устрою такой, что мало не покажется...

– Заблокируй ее кредитку, – сказал он заму.

– Да, шеф, сейчас позвоню в банк.

– Действительно, что-то я расслабился. Давно такого не было, – подумал он, – что же, поиграем!

– Привет, крыша неба московского.

– Давно ты меня так не называл.

Это был его старый знакомый. Знакомый, без которых в делах не обходится. Стоит позволить пренебречь подобными связями, бизнес полетит ко всем чертям, а ты следом за ним...

– Пью виски и звоню тебе. Почему для меня погода нелетная? Почему меня плохо встречают?

– Что случилось?

– А ты не знаешь? Надел дорогой костюмчик, галстук и забыл о моих делах? Когда мы тебя сажали в это кресло, одевался ты по-другому. Так, кто у вас там заинтересовался ЕГО проектом?

Оба друг друга прекрасно понимали, и не надо было говорить лишних слов. Это был человек дела. Он помогал, прикрывал, сводил, решая многие вопросы. И тогда они не превращались в проблемы. Таков закон бизнеса.

– Я в курсе твоих дел. Но помню, когда ты меня с НИМ знакомил, разговор был другой. Ты же просил помогать че-

ловеку?

– Значится так. Тендер через неделю. Приостанови его дела, пришли гостей из своих служб, немного попугай, арестуй счета, а дней через десять извинись. Короче, сам знаешь, учить не надо.

– Давненько мы не толкались лбами! Эх, лихие девяностые! – обрадовался его собеседник.

– Соскучился? Приезжай ко мне в офис. Посидим.

– Ужин за тобой? – спросил тот.

– Закажу. Давай уже. Галстук можешь не надевать.

И почему он вчера так напился? Все было под контролем. Уже давно не могло быть иначе. Ночью прямо из офиса он поехал в клуб.

– Виски, – коротко бросил он официанту.

– Вы же знаете – у нас нет спиртного. Вы сами когда-то на этом настаивали.

– Я сказал виски, – повторил он голосом, не терпящим возражений.

У него были некоторые акции этого элитного клуба, одно время он деятельно принимал участие в его жизни... От нечего делать...

– Да, конечно, сейчас все сделаем, – развел руками официант.

Скоро ему принесли стакан со льдом и коричневой жидкостью. Он моментально выпил и попросил еще.

Он расположился в одних плавках в баре спортивного клуба. Напротив сидела симпатичная юная блондинка. Очень симпатичная и очень юная. Она смотрела откровенно, и ее глаза пронзали своим зеленым блеском.

– Вы не хотите заказать мне сок? – спросила она, пересев к нему за столик.

– Поехали, – коротко бросил он.

– Куда? – спокойно уточнила она.

– К тебе.

Сегодня он не хотел возвращаться в свой огромный пустой дом.

Так коротко он еще никогда не общался с женщиной. Хотя, какая разница – одна блондинка или другая... И все-таки предыдущая была лучше. Намного лучше.

– Дура! – подумал он. – Просто дура!

И не мог понять, чего ей не хватало? Какая-то странная полоса. Время вопросов без ответа.

В офисе помощник уже долго изводил его дурацкими вопросами:

– Завтра тендер. Вы не хотите задержаться хотя бы на день?

– У нас нет проблем. У тебя есть право подписи. Приедешь, распишешься и все, – отвечал он.

– А как же?... А если?... А конкуренты?

– У меня нет конкурентов! Утром я улетаю. На девять,

нет, на восемь утра закажешь самолет.... Что ты на меня так смотришь! Повторяю, я улетаю! – выпил залпом стакан газированной воды и грохнул им по столу, давая понять, что разговор закончен.

– Конечно, шеф. Я все сделаю.

5

И снова взлет. Снова серая туча оставалась где-то внизу, а наверху только небо и яркое солнце. Теплое и ласковое.

– Франсуа, дайте мне ноутбук.

– Месье решил поселиться в воздухе или у нас, в горах? Мы снова вам очень рады! – приветствовал его жизнерадостный стюарт.

– Франсуа, дайте мне ноутбук! – перебил он его. Не хотелось вести праздных бесед. Сейчас его интересовало другое.

Почему? Зачем он снова туда летел? Нужно отвечать на вопросы, пока у тебя нет на них ответов. В Интернете нашел древний род этих Винсент. Какая-то ветвь, которая еще в средние века начиналась от испанских королевских персон. Потом они обжились здесь – в Гаскони.

Ну и что? Но, были другие факты, о которых он сейчас раздумывал. Почему-то на этой высоте лучше думается о всякой ерунде. И теперь он вспоминал:

Его любимой забавой в детстве была игра с консервной банкой. Дети бросали палки в жестянку, стоящую поодаль.

Кто собьет – становится на ее защиту, а потом, если коснешься противника, тот убит. Так можно убить всех, если умеешь фехтовать. Обыкновенное фехтование. Обыкновенное? А почему он был лучшим в этой игре? Он не учился фехтованию. Откуда его руки знали все эти выпады и движения?

А лошади? Он всегда смотрел на них и думал, что с первого раза сядет верхом и сразу же поедет. Однажды сел. Ему хотели объяснить, как трогать с места, как останавливаться. Хотели в первый раз провести по кругу, держа за узду. Но было поздно – он сразу же сорвался с места, опередив всех. А потом, легко промчавшись круг, остановил лошадь, соскочил с нее, как будто делал это каждый день. А тяга к этому региону? А то, что он увидел, и что его потрясло? Как все это понимать?

– И это факты? – спрашивал он себя. – Это не факты, а бред!

– А то, что он уже целую неделю, сидя дома, не мог думать ни о чем другом – тоже бред? А то, что сегодня такое важное дело решалось там, в Москве, дело, на которое он работал последние полгода, а теперь улетал, это что?

Только вспоминал странный развалившийся замок, герб на башенке и маленький старинный дом напротив. Кто в нем жил? Пока он все не прояснит, не успокоится.

И теперь он летел, чтобы ответить на эти вопросы.

На этот раз остановился в лучшем отеле Ла Веллы – сто-

лицы княжества Андорра. Не стал добираться до нее сам – заказал такси. Машину он возьмет в аренду на горе. Конечно, можно было прилететь в Тулузу, но почему-то решил держаться подальше от тех мест. И, насколько его туда тянуло – настолько волновался, чего-то опасаясь. По дороге подумал, что прямо сегодня отправится в путь. Но снега навалило столько, что добрался до отеля лишь к вечеру. Водитель поднял его чемодан в номер, а он отправился гулять по городу, вытянутому по дну длинного горного ущелья.

Вокруг с лыжами на плечах сновали люди, ехали, забитые снаряжением, машины. Сезон начинался.

Никаких лыж – завтра он все выяснит, поставит точку и закончит с этим – потом будут лыжи. Можно даже перелететь в Альпы.

Трус! – подумал он. – Чего ты боишься? Зачем куда-то бежать? Получай удовольствие. Ты на курорте.

Но почему-то волновался, предвидя эту поездку.

Наутро у ворот отеля его ждал автомобиль. Водителя он не взял, подумав, что это дело должен закончить сам. И вот уже спускается с заснеженных гор по жуткому серпантину в долину. Насколько в Испании была короткая и легкая дорога – тоннель за тоннелем – настолько тяжело было ехать по территории Франции. Поворот за поворотом, где-то знак предупреждал, где-то приходилось об этом только догадываться.

– Дикие места, – подумал он. Но вот уже расстелилось бескрайнее полотно зеленой долины, и, словно ребенок, он был очарован красотой этих мест, забыв обо всем. А ощущение, которое, схватило его за горло, преследовало и не отпускало, гнало сюда всю прошлую неделю, наконец, оставило в покое. Оно осталось за горами, в аэропорту, в Москве, в его офисе. А здесь он глубоко дышал свободной грудью, больше не думая ни о чем. Спускался в бесконечность, манящую неизвестностью, пахнущую удивительным ароматом французской провинции...

С удивлением заметил, что не пользовался картой. Этот навигатор засел где-то в уголке сознания и гнал машину на северо-восток, где уже не оставалось и намека на сугробы – только зеленые холмы и жаркое солнце над головой.

Машину бросил посреди булыжной мостовой, и теперь смотрел на старый развалившийся замок, о котором, казалось, знал все. Герб с литерами FV был на месте и, глядя на него, он почувствовал себя увереннее. Почти как в своем офисе, – подумал он, – где был, как у себя дома. Но сейчас его неотвратимо тянуло за ограду напротив, где он должен был что-то разыскать... увидеть... понять... остановить это наваждение...

Сегодня там не было видно никаких признаков жизни, и он пошел вдоль старинного забора, ища хоть какую-нибудь лазейку. Лазейки не было. Наконец, не выдержав, забрался

на каменную ограду, пролеты которой оплетали старые чугунные лепестки узоров, представляя собой несложную для него преграду. Огляделся и спрыгнул на траву. Он сам не знал, чего искал. Стоял, долго смотрел на дом, наконец, направился напрямик к нему.

И вдруг из-за дома или из лучей яркого солнца, возникло очертание всадника, которое, быстро увеличиваясь в размерах, летело прямо на него. И снова топот конских копыт!..

Лошадь остановилась всего в каких-то сантиметрах, а наездник, вернее наездница, едва удерживала свое упрямое животное. Он не видел ее лица. Ее фигура загорала солнце, а черные распущенные волосы переливались в ярких лучах.

– Что вы здесь делаете? Это частная территория! – ее голос был немного низким, настойчивым и не терпел возражений, требуя немедленного ответа. Он растерялся, сделал шаг в сторону, чтобы лучше рассмотреть ее лицо. Перед ним была молодая девушка, загорелая кожа придавала мужественность юной фигурке, а гасконский акцент делал ее голос решительным. И поневоле он залюбовался. Ее черные длинные волосы развевались на ветру, и он не мог оторвать от нее взгляда. Нет, она не была красива. Красивее русских женщин он не встречал, но каждую француженку всегда выделяет какая-то мелочь, делающая ее неповторимой. А две тоненькие косички по краям, которые она заплетала, наверное, чтобы волосы не закрывали лоб и глаза, делали ее ребенком, ми-

лым и чудесным. И поэтому, не будучи красивой, она была невероятно обаятельна! На мгновение показалось, что эта девушка кого-то ему напоминает...

– Месье, я повторяю свой вопрос. Как вы здесь оказались?

– Простите. Я неловко махнул рукой, и мои часы отлетели на ваш газон, – нашелся он.

– Вы играли в гольф, и теперь ищите свои часы в доброй сотне метров оттуда?

Ему нечего было возразить.

– Может быть, попросить жандармерию помочь вам поискать часы, которые на вашей руке? Или вы обычно носите две пары?

– Нет-нет. Я уже их разыскал и удаляюсь.

Но стоял и не мог сдвинуться с места...

– Месье, вы уверены, что удаляетесь?

Она издевалась! Девушка была на своей территории, ей было легче, чем ему, чувствовала она себя уверенно и издевалась. Делала это беззлобно, с каким-то интересом, даже с удовольствием, совсем его не боясь.

– Мадмуазель, сегодня жарко, я не рассчитал с одеждой и... Не дадите ли вы мне воды?

Девушка с удовольствием отметила его находчивость. Видимо, ей тоже стал интересен этот человек, и она не хотела так сразу его отпускать.

– Вашему наряду не хватает лыж и палок. С какой горы вы спустились?

Но, этот вопрос не требовал ответа.

– Пойдемте.

Она махнула рукой, приглашая его за собой. Ее лошадь, наконец, сорвалась с места. Ей не терпелось унести свою хозяйку как можно дальше от этого человека. И он следом направился к столь желанному дому. Девушка изящно спрыгнула с лошади, шлепнула ее по крупу, и та унеслась восвояси...

Он стоял, держа кружку с водой в руках, и смотрел на дом, который был знаком ему до мелочей.

– Куда вы направлялись? – спросила она.

– Сюда, – не думая, ответил он.

– Сюда? – ее черные брови взметнулись, изогнувшись в изящную черную линию.

– Ах да, вы, наверное, турист? Иногда сюда привозят туристов поглазеть на тот замок.

– Он принадлежал семейству Винсент? – неожиданно для себя задал он вопрос.

– Да. Этот древний род растворился во времени, сохранились только развалины.

– Но, вашему дому должно быть тоже немало лет? – продолжил он.

– Столетий. Здесь жили мои предки сто, и двести, и даже триста лет назад.

– Родовое гнездо?

Она снова изогнула красивые брови в ожидании подвоха.

Он тут же попытался загладить свою нескромность.

– У вас здесь разводят лошадей?

– Да, у меня небольшая ферма. Сотни лет на этой земле мы разводим лошадей.

Он стоял с пустой кружкой в руке, снова не зная, что сказать. Но, его притягивал этот старинный дом.

– Вы здесь одни? – нашелся он.

– Почему же, у меня есть старый конюх, раз в неделю приходит садовник. Мне одной не управиться...

Он снова молчал и тупо смотрел на нее, на дом, на кружку. И куда делся уверенный в себе мужчина, на которого в той жизни женщины смотрели с интересом, а он без труда подбирал слова. А теперь терялся, словно мальчишка, не зная, что сказать. Но чувствовал, что ей тоже не хотелось его отпускать. Почему? Как будто мостик возник между ними, только никто не решался сделать следующий шаг. Поэтому был благодарен ей за предложение:

– Вы голодны?... Знаете что? Я как раз собиралась обедать. Хотите, я вас накормлю? – неожиданно выручила его она.

Они прошли в дом, куда он так стремился, пролетев тысячи километров. И вот он здесь. Старые каменные стены хорошо сохраняли прохладу. Там, на солнце, в зимней одежде было нестерпимо жарко, а здесь стало хорошо и уютно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.